

Как раньше

— Тёмич, у нас мальчик! — радостный папа вбежал в комнату.

Тёмичу, то есть мне, было всё равно, кто родится, — я был бы рад и сестре, и брату. Папа очень хотел сына, а мама — дочь. А узи, как мне объяснили, совершенно не хотело показывать пол до самых родов.

Брат родился! На том конце телефона, за три тысячи километров, две бабушки, слившись с одной трубкой, плакали так, как будто вообще только что узнали, что мама ждала ребёнка, и его рождение оказалось полным сюрпризом.

— Сделайте (хлюп)... фотографию (хлюп)... на крыльце роддома (хлюп-хлюп)... конвертик (хлюп)... с синей ленточкой (хлюп-хлюп)... как-ак раньше-е-е-е (хлюпы затопили канал связи)...

Потом позвонила мама:

— Выписка завтра в два часа дня. Ради Бога, раздобудьте эту синюю ленточку! Я пообещала бабушкам, что будет «как раньше»!

На поиски синей ленточки были подняты силы всего нашего военного городка (не побоюсь сказать, всей нашей части). Искали на антресолях, чердаках и балконах, в кладовках, сараях и гаражах. Ни одной синей ленточки к вечеру найдено не было, зато нашлись два десятка мотков бельевой резинки (как новые!), дюжина шпагатов и один ветхий канат. Уже было решили, что папа купит атласную ленту в «большом» городе утром, как тётя Лена, мама моей подруги Аськи, принесла три капроновых рулона: два красных, один синий.

— Откуда? И зачем красные?

— Из прошлого века. От верещагинской тройни остались. Маша ими помидоры подвязывала. Пусть на всякий случай будут.

Тётя Лена взялась постирать и погладить все три ленты.

Я остался ночевать у Аськи, а её родители до глубокой ночи помогали папе собирать кроватку, гладить бельё и делать уборку.

Утром мы все составили список дел.

Для тёти Лены — убрать неубранное и приготовить обед, чтобы немного разгрузить маму.

Для дяди Юры, Аськиного папы, — купить два букета цветов и конфеты.

Для папы и меня — забрать маму и брата из роддома в городе.

— А я?! — обиженно завопила Аська.

— Будешь мне помогать, — сказала тётя Лена.

— Я тоже хочу на выписку! Я уже приготовилась!

Аська приволокла в комнату сине-голубую связку воздушных шаров и победно смотрела на нас.

— А что, пусть едет с нами. И фотографии на крыльце роддома как раз сделает, — сказал папа.

В двенадцать тридцать наша маленькая делегация построилась у машины. Папа и я были «при параде» и с цветами, на Аське — платье, в косы вплетены две красные капроновые ленты («причёска «как раньше»), в руке — шары.

— Просто загляденье! — сказали тётя Лена и дядя Юра почти хором. — Ну, с Богом!

Аська захотела сесть впереди, но папа сказала, что она с шарами весь обзор загораживает. Нехотя она пересела назад, но из-за шаров стало тесно нам вдвоём.

— Дядя Паша, а можно мы шары в окно вытащим? Поедем как в День пограничника, только вместо флага — синие шары! И всем будет понятно, что мы едем в роддом за мальчиком! И все будут нам бибикать!

Папа согласился. Сначала шары держал я. Когда мы выехали на шоссе, нам и правда все бибикали: те, кто двигался навстречу, — радостно, а те, кто был за нами, — раздражённо, потому что шары не хотели ехать спокойно, а постоянно маячили перед машинами.

— Дай сюда, ты не так держишь!

Аська почти отобрала у меня шары, но как раз в этот момент папа решил резко перестроиться в правый ряд, и на секундочку мы оба отпустили руки... Этого было достаточно, чтобы навсегда попрощаться с шарами.

— Что ты наделала? — прошептал я.

— Это ты что наделал? — Аська зашипела.

— Аська! Нам каюк. Синяя ленточка тю-тю вместе с шарами!

— Ты дурак? Зачем ты её привязал?!

— Чтобы не потерялась!

Аська хлопнула себя рукой по лбу и помотала головой: мол, совсем ты, Тёмич.

— Что теперь делать?

— Думать! — Аська надулась и плюхнулась спиной на сиденье.

Остаток пути мы ехали молча. Папа ничего не заметил.

На въезде во двор роддома Аська стала быстро расплетать одну из кос, затем свернула красную ленточку и засунула её в пакет на выписку.

Папа забрал пакеты, не обратив внимания ни на отсутствие шаров, ни на Аськино «преображение».

А затем мы ждали у крыльца роддома. Я решил, что очень вежливые мама с братом пропустили вперёд всех девочек, потому что банты на конвертах были либо красные, либо розовые. И вот, наконец, выходит мама, а глаза у неё на очень мокром месте. А с ней выходит медсестра с конвертом, перевязанным красной ленточкой! Я уже напрочь забыл про подмену ленты! Папа остановился как вкопанный с протянутыми букетами.

— Что, всё-таки девочка?.. — тихо спросил он.

Мама замотала головой и как-то зло посмотрела на папу.

— Папаша, принимай малышку, не задерживай очередь! — раздался весёлый голос сзади.

И папа принял «малышку».

— Иди скорей, я вас сфотокаю, — Аська толкнула меня к крыльцу.

Она успела сделать пару снимков, как тот же весёлый голос сказал:

— Девочка, иди к своей семье, сфотографируй вас всех вместе! Какая замечательная многодетная семья!

Аська и слова не успела вымолвить, как оказалась рядом с нами.

— Внимание... — предупреждает фотограф.

— Бедная женщина, тяжело ей придётся... Посмотри на старшенькую: голова растрёпанная — папа даже косы толком не смог заплести... — слишком громко раздалось из толпы ожидающих.

«Щёлк-щёлк-щёлк!» — вышла серия фотографий.

На этих фото у Аськи выпучены глаза, а папа, мама и я (и, кажется, даже брат) смотрим на неё.

— Что будем делать с фотографией для бабушек? — спросил я, когда мы сели в машину и немного успокоились.

Подумав, папа ответил:

— Отправим в чёрно-белом варианте. Как раньше.

«Замечательная» история

Экскаватор сгребал снег с улицы. Снег в его ковше был похож на неровные шарики пломбира в вазочке для мороженого. Экскаватор это видел. А вот напарник-самосвал нет.

— Давай быстрее, нам ещё второй участок расчищать, — бурчала машина.

Маковки церкви, у которой они работали, были похожи на конфеты «Трюфель» в золотистых обёртках.

Экскаватор заметил и это. А самосвал продолжал ворчать:

— Чего ковш разинул? Чисти скорее!

Вертолёт, пролетавший над ними, был похож на весёлую стрекозу. Экскаватор было засмотрелся на него, но самосвала проревел:

— Ехать пора! Спустись с небес на землю! А то откажусь от тебя, возьму другого напарника.

Девочка в шапочке с динозавриком подпрыгивала от нетерпения. Она привела маму на звук гудения больших машин. Девочка видела, как они трудились, чистили дорогу навстречу весне. Ей хотелось сказать им спасибо.

Первым был самосвал с ярко-оранжевым, как апельсин, кузовом. Девочка махала самосвалу изо всех сил! Но вечно спешащая машина проехала мимо, даже не взглянув на малышку.

Девочка с удивлением посмотрела на маму.

— Давай попробуем ещё? — предложила та.

Экскаватор отстал от самосвала. Он ехал, повесив ковш. Неужели оттого, что он всё замечает, одни проблемы? Как вдруг на тротуаре он увидел девочку, похожую... на динозаврика! Она улыбалась и махала ему двумя руками. И мама девочки улыбалась и махала ему. Экскаватор приподнял ковш от радости. Он замедлил ход и просигналил свою самую весёлую, самую замечательную мелодию.

Персики

Бабушка бы сказала, что в доме случилась буря. Её ветер разрушил самое хрупкое на свете — мир в семье.

В ванной льётся вода. Дёргаю ручку — закрыто на защёлку. За дверью — приглушённые всхлипывания. Мама думает, я не знаю, почему она там прычется. Но я-то знаю.

Вздыхаю. Иду на поиски папы. По звуку прыхожу в кабинет. Папа барабанит по клавиатуре как ненормальный. Как будто вбивает не текст статьи, а гвозди в доску. Нет, папу лучше не трогать.

Слева плачет мама. Справа злится папа. А я посерединке. Но что толку быть серединкой, когда вокруг тебя ничего нет?

Бабушка бы сказала: бери ситуацию в свои руки. Бабушка никогда не зовёт меня Кнопкой и доверяет непростые дела: жарить ровные оладушки, собирать клубнику и даже ходить одной на родник, хотя мне всего одиннадцать. Но сейчас я теряюсь. Усмирить бурю — это не то же самое, что прополоть грядки. Вздыхаю. Набираю номер. — Ба, у нас буря.

— В стакане?

— Не... Мироразрушительная. Мама плачет, папа клавиатуру ломает.

Бабушка думает.

— Достань из копилки деньги и иди на рынок.

— Зачем?

— Им надо напомнить. Напомнить, с чего всё начиналось.

В жестяной коробке с прорезью я храню деньги не на новые ролики, а «на всякий случай». Например, когда нет сдачи у доставщика пиццы. Или когда родителям немного задерживают зарплату. Или вот как сегодня.

Выхожу из квартиры на цыпочках. Хотя, если я сейчас хлопну дверью, мама с папой и не заметят.

До рынка рукой подать. У прилавка закрываю глаза. А лучше бы закрыть нос, чтобы не чувствовать запах арбузов. Покупаю то, что мне нужно, и убегаю от арбузного шлейфа. Не сегодня.

Захожу домой, прислушиваюсь. Клавиатура молчит. Вода не льётся. Может, уже без меня всё произошло?

Нет. Мама в гостиной уткнулась в книгу. Папа на кухне.

В ванной мою и аккуратно вытираю «голубей мира». Складываю в бумажный пакет. Несу папе.

Папа замечает меня только тогда, когда дотрагиваюсь до его плеча:

— А, это ты, Кнопка... Что тут у тебя?

Папа заглядывает в пакет. Хмурится, как будто что-то вспоминает. Вдруг... улыбается.

— Спасибо тебе, дочка... спасибо...

Папа целует меня и идёт... нет, он уже летит к маме. Я за ним.

Папа садится рядом с мамой, нежно берёт за руку и кладёт в неё красный персик. Мама сначала не понимает, что произошло. А когда понимает, то опять плачет. Но уже в папиных объятьях.

— Ба, у нас «ми-и-ир на зе-емле-е-е»,— пропеваю знаменитую строчку.

— Умница! Видишь, им надо было просто напомнить...— бабушка смеётся в трубку.

— Ба, а расскажи историю ещё раз!

— Как-то папа и мама поссорились. Они тогда не были парой, просто дружили. Но папа был уже влюблён и, чтобы признаться в чувствах, подарил маме персики. Так всё и началось.

Слева сидит мама. Справа сидит папа. А я— посерединке. Как косточка в персике.